

МАША ТРАУБ

ПРОЗА
МАШИ
ТРАУБ

Семейная **кухня**

Маша Трауб

Семейная кухня (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2930055

Семейная кухня: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-55112-5

Аннотация

В этой книге я собрала истории – смешные и грустные, счастливые и трагические, – которые объединяет одно – еда.

Содержание

Вся наша жизнь – еда	4
Рыба, ледяная и не очень	12
Пироги, или Здравствуй, девочка	23
Курам на смех	36
Лестница в подвал	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Маша Трауб

Семейная кухня (сборник)

Вся наша жизнь – еда

Вкусовые ощущения сильны так же, как первое чувство, первое горе, первая потеря или приобретение. Еда – это наши детство, молодость и старость. Любимые блюда как любимые люди – ты их помнишь всегда, пытаешься найти им замену, и не получается. Их нельзя заменить – рецепторы сразу реагируют на подмену, как и сердце.

Вы же помните вкус манной каши из детского садика? Или пенки на молоке на полдник? Или творожной запеканки? Или не можете забыть вкус колбасы, которую папа приносил перед Новым годом, бабушкиных пирожков, маминых куриных котлеток. Еда – очень мощный индикатор чувств, прошлого, всей жизни.

Я сидела с подругой в кафе.

– Слушай, а какой первый признак влюбленности? – спросила я.

– Когда не хочется есть. Совершенно, – ответила она. – Когда я люблю, не могу есть.

Я тогда подумала, что у меня гастрит. А оказалось, что

это – любовь.

У моего мужа должна была состояться в ресторане деловая встреча, от которой многое зависело. Он заказал куриные котлеты и пюре.

Пришел партнер, посмотрел в его тарелку и спросил:

– Простите, у вас мама еврейка?

– Да, – ответил муж.

– Моя мама, когда была жива, тоже жарила куриные котлеты, – сказал партнер. – Очень вкусные были, а я их не ел. Терпеть не мог. А сейчас мамы уже нет в живых...

Я лежала на каталке в холодном коридоре роддома. Только что родила сына. У меня стучали зубы, и я никак не могла согреться. Мимо проходила нянечка.

– На вот, поешь, дочка, согреешься, – сказала она и сунула мне в руки тарелку с запеканкой – картошка с мясом под соусом.

Ничего вкуснее я в жизни не ела. Этот вкус помню до сих пор, как и сморщенное личико моего новорожденного сына. Странное сравнение, но это так.

Когда я родила дочь, время ужина давно прошло. Медсестра принесла мне чай и вафельку. Обычную вафлю со смешным названием – то ли «Маринка», то ли «Светланка». Я ее заглотнула, не жуя, и доплелась до кухни, чтобы попросить еще одну. Я никогда не любила вафли, тем более такие

– со светлой начинкой. А в тот момент они были для меня самым лучшим лакомством на свете.

– Мам, а когда ты была беременна мной, что ты помнишь? – спросила я.

– Как мороженого объелась. С тех пор я его не ем, – ответила мама.

Она не помнила, как я впервые пошевелилась, как она страдала от токсикоза, как услышала частое и суматошное биение сердца ребенка. Она помнила про мороженое – фруктовое, за двенадцать копеек, в стаканчике с вишенками, которое нужно было есть палочкой.

Перед тем как я забеременела дочерью, врачи говорили, что мне нужно пропить курс таблеток, готовиться, наблюдаться... Они меня уверяли, что дочь, которую я хотела, о которой мечтала, может и не родиться. Мы с мужем и сыном поехали в Италию.

Каждое утро за завтраком я ела сыр – козий, мягкий. Ничего не могла с собой поделаться. Я понимала, что неприлично отваливать себе на тарелку здоровущий кусок, и просила мужа взять для себя и подъедала с его тарелки. А в обед наливала в тарелку оливковое масло, солила крупной солью и вымазывала куском хлеба. Точно так же делали дети местных жителей. Масло заканчивалось, и я шла за бутылкой, которая стояла на общем столе. Через два дня официант выделил мне отдельную бутылку с маслом и доставал ее, стоило мне

появиться в дверях. Мне кажется, я выпила тогда несколько литров этого масла. Я могла пить его прямо из горлышка, как воду, – останавливали только нормы приличия.

– Какие препараты вы принимали? – спросила меня врач, когда я пришла подтверждать беременность.

– Оливковое масло с солью и хлебом, а еще козий сыр, – честно ответила я.

Головой я все понимаю – в масле содержатся полиненасыщенные жирные кислоты, которых, видимо, мне не хватало. Но я вела себя как кошка, которая ест траву, когда болеет. Как животное, которое ориентируется на запахи и вкусы.

Когда я носила дочь, то ела сладкое. Мне казалось, что после порции шоколада или пирожного она гладит меня рукой по животу. Внутри живота. Я это совершенно четко осознавала и чувствовала – это было так приятно, даже не могу передать как. За эти ощущения можно было и жизнь отдать, не то что фигуру.

Мы все родом из детства, в генетической памяти заложено то, чем нас кормили родители, что разрешали, а что было под запретом.

Когда начинаешь жить с человеком и видишь, что он ест, что любит на завтрак, можно многое узнать о его детстве.

Мой муж ест глазированные сырки – ему их приносил папа. Я обожаю бутерброды с рыбой – семгой или форелью. И салями. Мама – заядлая театралка – приносила их мне из те-

атрального буфета завернутыми в салфеточку. Да, еще были конфеты «Театральные» и пирожное «Картошка». Я не ложилась спать, не дождавшись маму.

Опять же, мой муж обожает докторскую колбасу, которая всегда была в продуктовом заказе. Его папа – чиновник – отоваривался в спецраспределителе. Ту колбасу, которая приносила моя мама – за два двадцать, из магазина, – мы ели с кошкой Маркизой: половину она, половину я.

Муж любит на завтрак яичницу, а я – омлет. Так нас кормили родители перед школой. Он ест сыр, а я творог, который мама подвешивала в марлечке над раковиной. Или творог в «колбасе» – тубусе, из которого было удобно выдавливать на тарелку творожные узоры.

Его мама из черствого хлеба делала панировочные сухари, а моя – вкуснейшие гренки. Его мама варила прозрачный диетический куриный бульон, а моя – тяжелый, наваристый борщ или щи, в которых стояла ложка.

Умение готовить тоже заложено генетически.

Моя любимая подруга Маринка – роскошная бизнес-леди – за полчаса может приготовить ужин. Она не готовит каждый день, но если встанет к плите, то будет вкусно. Очень вкусно. Ее руки помнят, как готовили ее прабабушка, бабушка и мама. Резали, месили, фаршировали куриные шеи и шук, плели халы.

Мою подругу Лену к плите лучше не подпускать. Она дол-

го читает рецепт, долго взвешивает в мерной чашке продукты, долго выкладывает, например, сыр в помидоры, и в результате получается гадость. Лена готовит изысканные блюда, которые невозможно есть. В ее семье всегда готовили мужчины, так сложилось исторически. Дед великолепно жарил мясо, отец вообще не подпускал мать к плите. Даже первый Ленкин муж встречал ее изысканным салатиком и чем-то экзотическим в качестве главного блюда. Ленка развелась, но его салатика вспоминает до сих пор с теплотой.

В нашей семье все женщины готовили детям. Детский стол – это было святое. Для детей выделялись отдельные кастрюльки, ковшички и сковородочки. Дети должны быть сытыми. Это был наш, генетически заложенный, код. Никто не переводил детей на «общий стол», даже когда они вырастали. Для них всегда должен был быть супчик, сваренный максимум вчера, и свеженькие котлетки.

– Ты какие хочешь макарончики? Длинные или бантики? – спрашивала меня мама в детстве. Поскольку в магазинах тогда ни спагетти, ни ракушек в помине не было, она делала домашнюю лапшу и скручивала ее в разные причудливые формы.

– Ты какие хочешь макарончики? – спрашиваю я своего сына, хотя понимаю, что могу сварить любые, поставить тарелку и сказать: «Ешь». Он уже взрослый, не играет с едой и не должен набирать вес так, как пишут в книжках. Но я стою над ним и считаю, сколько котлеток он съел.

Для мужей женщины нашей семьи тоже готовили – что-нибудь брутальное: кусок мяса, два куска мяса – быстро и сытно. Никаких изысков и высокой кухни. Мы всегда готовили для детей. Это наша родовая карма. Главное было найти мужчину, который с этим согласится.

Только когда умирают родители, понимаешь, как о многом не спросил, хотя тысячу раз мог.

Свекровь умерла, когда мой сын еще не родился. Я знаю, мои муж и пасынок любили ее пироги – с корицей, лимонный и с цукатами. Я так и не спросила рецепт. И до сих пор, хотя с ее смерти прошло уже много лет, пытаюсь найти тот самый рецепт и испечь тот самый пирог. У меня, конечно, ничего не получается. Почему я не смотрела, как она замешивает тесто? Почему не записала в тетрадочку? Почему я не подумала о том, что муж будет тосковать по тем, маминым, пирогам? Даже слабое подобие его бы устроило, даже подделка, относительно похожая на оригинал. Нет, тогда я приучала его к своей кухне, к своим блюдам, к тому, к чему привыкла я, не догадываясь, что у него своя вкусовая память, которая ему так дорога.

Недавно я нашла тетрадку свекрови с рецептами, но и там она не оставила мне подсказки. Рецепты были явно выпи-саны из журналов и книг, однако она готовила по-другому. Нужно было учиться «с рук» – так говорили у нас в деревне, где я выросла. Девочек не учили – их ставили рядом, и они

смотрели, помогали, чем могли, глядя, как мамы и бабушки льют воду на глаз, замешивают тесто, снимают пену и по наитию понимают, когда нужно добавлять специи и травы. Это должно быть заложено – в крови, пальцах, мыслях и в сердце. Должно быть воспитано и вбито, как таблица умножения. Это нужно любить.

Гены сплетаются очень странно. Никогда не знаешь, что получится.

Мой сын наблюдает, как я готовлю. Он может сделать себе омлет, лепит с бабушкой пирожки и даже смотрит на срок годности продуктов. Его никто этому не учил. Я всегда считала, что готовить должна женщина. Мой муж умеет варить яйца и кофе. Пасынка я так и не смогла научить варить суп – он искренне не понимает, зачем, например, добавлять чеснок. Моя дочь, с которой я играю в детскую посудку и пластмассовую еду, смотрит на меня как на полоумную. Сын любит кашу, как и я, а дочь – яичницу, как муж.

Эта книга о еде и о людях. Здесь нет рецептов, но есть чувства. Я вспоминала блюдо и людей, с которыми это блюдо было связано. Эта книга о тех вкусовых рецепторах, которые отзываются в памяти.

У каждого своя кухня и своя память. Но манная каша была у всех. Как и колбаса по праздникам, холодец на свадьбе и бутерброд на завтрак.

Рыба, ледяная и не очень

– Ну что? Опять звать Славика? – спросила меня мама.

Я молча кивнула и уронила слезу на тарелку, в которой лежали пюре с фигурной складочкой посередине и кусок золотистой рыбы.

– Галка, привет, присылай Славика, – сказала мама в телефонную трубку.

Славик по кличке Скелет, сын нашей соседки тети Гали, был худой, как спичка, с темными кругами под глазами, молчаливый и покорный. Он спускался на лифте с девятого этажа на наш восьмой и усаживался за стол.

Мама ставила перед ним тарелку и замирала.

– Машенька, посмотри на Славика. Славик, вкусно?

Тот вместо ответа отправлял в рот вилку, которую держал так крепко, что белели пальцы. Мама говорила, что он «вкусно ест». Я осторожно пробовала языком пюре и недоверчиво проглатывала расковыренный кусочек рыбы.

– Догоняй Славика, Машенька, – подбадривала меня мама.

Я проглатывала еще кусок.

– А хлебушек? – Мама выдавала нам по куску хлеба. Славик утрамбовывал за щеки сразу целый кусок. Я соглашалась отщипнуть от горбушки.

Мама считала кусочки – пять, шесть, семь.

Славик сидел над пустой тарелкой и покорно ждал.

– Славик, доешь? – спрашивала мама.

Он покорно доедал остатки моего пюре.

Через сорок минут, после компота с булочкой, мама провозжала Славику домой.

– Спасибо, – говорила она.

Он кивал.

Славик обедал или ужинал со мной часто – раз в три дня точно. Без него я превращала часы приема пищи в ад.

– Да пусть не ест! – восклицала тетя Галя, когда мама жаловалась ей на мой плохой аппетит. – Оголодает – придет.

– Нет, – отвечала мама и была права. Я бы ни за что в жизни, ни при каких обстоятельствах не подошла добровольно к холодильнику. А по какой причине, уже не помню. Но в детстве я твердо стояла на своих принципах.

– Галь, пусть Машка у вас поужинает, я на работе задержусь, – попросила однажды мама тетю Галю.

– Да пусть, – согласилась соседка. – А чем ее кормить-то? Она ж у тебя с придурью!

Мама ответить не успела, поскольку захлопнулись двери лифта.

– Дома я больше есть не буду, – заявила я вечером, когда мама забрала меня от тети Гали.

– Почему? – ахнула мама.

– Ты не умеешь готовить.

Для мамы это было страшнее раската грома, страшнее са-

мого страшного обвинения. Страшнее самой страшной обиды.

Мама славилась своими кулинарными талантами на пол-Москвы. Ее новогоднего гуся или запеченную пороссячью голову гости вспоминали до следующего Нового года, а то и дольше. Рассказы «о столе» передавались из уст в уста, обрастали подробностями, превращаясь в мифы и легенды. Мама не просто хорошо готовила – она умела накормить до отвала, так, что дышать невозможно и пуговицы на брюках отскакивают. Когда последний кусок проглатываешь через «не могу», потому что так вкусно, что невозможно отказаться. Лучше умереть от переедания, чем недоесть. В общем, мама округлила глаза, вдохнула воздух ртом и даже закашлялась от возмущения.

– А кто умеет готовить? – спросила она, когда обрела способность говорить.

– Тетя Галя, – заявила я твердо.

– И где ты будешь теперь есть? У тети Гали? – поперхнулась слюной мама.

– Да, – решительно ответила я, – между прочим, я целую тарелку съела.

Мама онемела. Молчала она долго, нарезая круги вокруг телефона, потом принялась накручивать номер, чуть не сорвав телефонный диск.

– Галка, привет, это я. Чем ты Машку накормила? – рявкнула наконец она. – ЧЕМ?

– Пустыми щами, говорю, – кричала на том конце провода тетя Галя. – Мяса нет, а капуста была. Да ты не волнуйся, она еще сухарей поела. За хлебом Славка забыл сбегать, так я старый засушила. Слушай, нормально она у тебя ест. Я ей как Славке налила. Все выхлебала. А что с ней? Понос? Так не должно вроде.

– Все нормально, – ответила мама. Она сидела опустив руки. – Нет, чего угодно ожидала от тебя, но не такого. – Она решительно встала с кресла. – Хорошо, будешь есть у тети Гали.

Такой расклад всем пришелся по душе. Я уписывала тети Галины яства, мама тайком передавала ей мясо на щи, чтобы были не «пустые» и носила ей сумками остальные продукты. Только Славик, которого больше не вызывали к нам, страдал. Но молчал. Он, истинный ценитель хорошей кухни, вечно голодный, смотрел на меня с надеждой – вдруг я откажусь есть?

Я же уписывала за обе щеки картошку, жаренную на постном масле, немного подгоревшую, пахучую, с чесноком. Тетя Галя сэкономила переданное мамой рафинированное масло и жарила на обычном, из магазинного автомата. В картошку она еще бросала лук и куски сала, которое никогда не переводилось у нее в морозилке. Но даже не это было главное. К картошке прилагалась селедка, которую тетя Галя чистила на газете и на газете же шмякала на стол. Это было главное блюдо, от которого я начинала исходить слюной.

Селедку тетя Галя чистила быстро, почти молниеносно. Сдирала кожу одним движением. Резала крупными ломтями, из которых торчали кости (моя мама терпеть не могла возиться с селедкой. А когда «затевалась», то сидела с пинцетом, рейсфедером и вытаскивала каждую косточку, потом поливала селедку маслом и фигурно укладывала сверху кольца лука). Тетя Галя, если была в настроении, могла отлепить от кусочков прилипшие газетные огрызки. И почему-то именно ее селедка была вкуснее.

Я съедала сразу несколько кусков, почти не жуя. И весь вечер пила воду.

– У тебя обезвоживание, – замирала мама. – Почему ты столько пьешь?

Но я бы ни за что в жизни не призналась, что налопалась селедки.

Мама считала, что ребенок должен есть «нормальную» рыбу – один раз в неделю обязательно, а лучше два. За свежей «рыбкой» она забегала в магазин «Океан», где работала ее знакомая продавщица.

Однажды мама привычно зашла в магазин. Очередь стояла невероятная.

– Какая рыба? – крикнула мама, прорвавшись к прилавку.

– Ледяная, – ответила продавщица.

– Я понимаю, что не горячая, как называется?

– Ледяная, – повторила продавщица.

– Вот бестолковая какая. Конечно, ледяная! Называет-

ся-то как?

– Ледяная! – опять крикнула продавщица. – Брать будете?

Мама еще долго на кухне разглядывала скукоженные рыбины, решая, можно ли давать ребенку рыбу с таким названием.

Все женщины нашей семьи отлично готовили. Все дети, рожденные этими женщинами, были хилыми и отказывались принимать приготовленную с любовью пищу. Это наше родовое проклятие. Чем лучше готовили женщины, чем изобретательнее была кухня, тем худосочнее становились дети и тем с большей решительностью они отодвигали тарелки. Мы все готовы умереть у плиты – ради детей, ради вкусного кусочка. Дети же дружно воротят носы.

Недавно я гуляла с дочерью в парке. Рядом с детской площадкой пожилой мужчина строил для внука лет четырех шалаш – настоящий, достаточно просторный, из обструганных веток. Внук наблюдал за дедом серьезно и подозрительно.

– Ну вот, дом готов, – сказал дед, положив на крышу последнюю ветку. – Заходи.

Мальчик осторожно заполз внутрь.

– Сейчас придет бабушка, ужин принесет. – Дед тяжело вздохнул.

Моя дочь в это время складывала листики в игрушечную кастрюльку и гонялась с угощением за белкой.

Я думала, дед так играет. Но через минуту на дорожке по-

явилась запыхавшаяся бабушка с большим пакетом в руках.

– Ну где ты ходишь? – цыкнул на нее дед.

– Бегу, бегу уже, – ответила та.

– Вот, настоящий ужин следопыта, – радостно объявил дед.

Бабушка проворно доставала из пакета кастрюльки с прекрасно пахнущими котлетами, пюрешкой, пирожками, компотиком.

– Вот, держи настоящую миску и настоящую ложку! – Дедушка передал внуку в шалаш алюминиевую тарелку и погнутую ложку, и тот стал ковырять ложкой в пюре.

– Ну что, ест? – тихо спросила бабушка.

– Вроде бы, – отмахнулся дед: мол, тихо, чтобы не сглазить.

– Не ест ничегошеньки, – сообщила мне бабушка, – хоть плачь. Никакими уговорами не можем накормить. Вот, дед шалаш придумал. Лишь бы сработало. – Бабуля и правда чуть не плакала.

– Давай, давай! – помахал дедушка, и бабуля вскинулась, достала огурчик и передала ему, а он внуку.

– А так правда следопыты едят? – недоверчиво спросил мальчик, запихнув кусок котлеты за щеку.

– Конечно, правда! Что ж, я тебе врать буду? – возмутился дед. – Вот, спроси у тети, она подтвердит.

– Да, именно так и едят! – быстро сказала я.

Мальчик, к всеобщему счастью, продолжал жевать.

– Пока в шалаше будем есть, а там опять что-то придумать придется, – сказала бабушка.

Моя дочь, устав гоняться за белкой, заглянула в шалаш и увидела печенье. Протянула руку, чтобы взять.

Мальчик проворно запихнул себе в рот три печенюшки и быстро сжевал.

– Ой, он и печеньку съел! – ахнула бабушка. – Ну надо же! На, маленькая, держи и тебе тоже. – Она порылась в пакете и достала полпачки.

– Поел, следопыт? Пойдем домой! – объявил дедушка.

– А как едят пираты? – спросил мальчик, вылезая из шалаша.

Дедушка с бабушкой переглянулись. Бабушка вздохнула. Дед глубоко задумался.

Когда мне было семь лет, я буквально светилась от худобы и синевы, зато занималась художественной гимнастикой, куда меня записала мама, чтобы физическими нагрузками возбудить аппетит, а вовсе не для того, чтобы ее дочь была гибкой и красивой. Странно, но она и не подозревала, что добивается обратного эффекта – я панически боялась располстеться и получить от тренера скакалкой по попе за лишние пятьсот граммов. К концу первого класса я своим видом вызывала только жалость. Меня сносило ветром и, если бы не ранец, унесло. Свой школьный завтрак я отдавала верному Славику, который молча, без удовольствия, но быстро его

проглатывал. Я сидела и, раскрыв рот от восторга, смотрела, как он заглатывает манную кашу, творожную запеканку, политую склизкой подливкой, или тугой, пористый омлет с подгоревшей корочкой. Славик оставался таким же худым и покорно отзывался на кличку Скелет.

У тети Гали я уже не столовалась, потому что она пошла работать во вторую смену и варить «пустые» щи не могла.

Моя мама нашла вторую работу и по этому поводу чуть не сошла с ума: ребенок придет из школы голодный! Славик оставался на продленку, где кормили школьным обедом, и мама меня тоже туда записала. Славик съедал и свой, и мой школьные обеды, а я почти достигла его телосложения. Когда мама, моя мне голову, увидела торчащие ключицы, с продленкой было покончено. Оставалась последняя надежда – деревня.

– Поедешь к бабушке, – заявила она мне.

Перед отъездом в деревню мама проговорила кучу денег по междугороднему телефону, объясняя бабушке «режим питания».

– Поменьше мучного, побольше белков, фруктов, овощей. Завтрак полноценный, ужин легкий.

На самом деле мама никогда не говорила такими словами. Обычно она выражается прямо и просто. Видимо, это она от волнения. Бабушка на том конце провода половину не слышала по причине плохой связи, половину не понимала.

– Будет она полной, не волнуйся! – кричала в ответ ба-

бушка. – Откормлю. Денег хватит. Цены на рынке пока не поднялись. – Видимо, бабушка расслышала слово «полноценный».

Меня отправили в деревню. Бабушка внучку не узнала: проводница высадила меня с чемоданом на перрон и захлопнула дверь – поезд стоял две минуты.

Бабушка в этот момент металась по перрону в поисках внучки. Признавать в худосочной девочке с синевой под глазами и гипертрофированными коленными чашечками собственную родную кровь она отказывалась. Ее можно понять – за стеклом серванта, на самом видном месте, стояла фотография, где я – пухлый младенец с перевязочками на ногах и руках – сижу в коляске с баранкой в руке.

Поскольку бабушку я тоже плохо помнила, то тихонечко стояла на одном месте, как велела мама, и молча смотрела на эту бабулю с огромной грудью и таким же огромным, обтянутым платьем животом.

Когда поезд тронулся и на перроне остались только мы вдвоем, бабушка кинулась ко мне.

– Манечка? – осторожно спросила она.

– Бабушка? – так же недоверчиво поинтересовалась я.

– Господи! – выдохнула бабушка. – Ольга-фашистка, до чего ребенка довела! – Бабушка заплакала.

– Ольга-фашистка, до чего ребенка довела? – кричала она в телефонную трубку в кабине межгорода так, что слышало все почтовое отделение.

Я сидела на лавочке и поедала халву, купленную на вокзале, – зеленую, в промасленной бумаге, прилипшей кусками к брикету, жутко пахнущему подсолнечным маслом и семечками. Ела, запихивая ее двумя руками в рот. Бабушка смотрела на меня из кабинки и опять начинала подвывать от жалости, не забывая кричать в телефонную трубку:

– Ольга-фашистка! Ты кого мне прислала? Она же как Ривка из концлагеря!

Надо сказать, у бабушки-фронтовички «фашистка» было самым страшным проклятием и самым ругательным словом. Так обзывала она и курицу, которая не несла яйца, и кошку, которая опять окотилась в курятнике, и продавщицу Зинку, которая держала в морозилке дефицитное сливочное масло и никак не хотела его «выкладывать на прилавок». А Ривка была бабушкиной подругой детства, которая прошла концлагерь и приехала к ней в деревню лысая, еле держащаяся на ногах.

Пока бабушка ругалась в телефонной будке, телефонистка сбегала домой и принесла мне кусок пирога.

– Эшь, дэвочка, – сказала она и тоже всхлипнула. – Будэш худой, замуж никто не возмэт.

Я ничего не поняла, но пирог был таким вкусным, что я впилась в него зубами и ела совсем не так, как учила мама, а большими кусками, почти не прожевывая.

– Ты перед людьми меня позоришь! Все! Ты мне не дочь! – закричала истерично бабушка и шваркнула трубку на рычаг.

Пироги, или Здравствуй, девочка

Пироги были с картошкой, с картошкой и сыром, с сыром и зеленью, с мясом и самые вкусные – со свекольной ботвой. Бабушка, русская по национальности, так и не постигла премудрость печь такие пироги, как у ее подруги – местной гадалки, усатой Варжетхан.

Бабушка честно пыталась.

– Что ты туда положила? – спрашивала Варжетхан, глядя на бабушкин пирог не пирог, а вздутый с одного края пончик.

– Так дрожжей. Немножко совсем, чтобы попышнее, – оправдывалась бабушка.

Варжетхан произносила по-осетински фразу, которую можно было перевести так: «Руки тебе оторвать надо за такие пироги».

Варжетхан пекла пироги в маленькой кухоньке, на заставленном банками столе. Она рукой отодвигала их в сторону, «отгребая» себе маленькое пространство. Вода, масло, соль и мука – тесто получалось воздушное, мягкое. Она отщипывала для меня кусочек – чтобы я тоже сделала лепешечку. Я смотрела, как она снимает с каждого пальца оставшееся тесто, делает аккуратный колобочек, закрывает тряпкой кастрюлю, и потихоньку отщипывала и ела сырой комочек теста.

– Кишок паварот будет, – говорила мне Варжетхан.

А я не могла понять, кто такой «кишок» и куда он повернет.

Начинку она делала в большой кастрюле. Только в ней. Никогда в другой.

Наступал черед раскатки теста. Варжетхан разминала его руками, тремя пальцами руки. Скалки у нее никогда не было. Была, правда, палка, которой она раскатывала тонкие листы для домашней лапши, но скалки не было.

Руки Варжетхан смазывала подсолнечным маслом, а мукой не посыпала стол, как делала бабушка. Брала щепотку и краем ладони отодвигала лишнее. В конце у нее получался аккуратный бортик из муки.

Из кастрюли доставалась начинка – до последней капельки. Указательным пальцем Варжетхан водила по стенками и что-то шептала.

Однажды, когда бабушка предприняла очередную попытку испечь пирог под присмотром Варжетхан, у них случился скандал. Бабушка бросила в мойку кастрюлю с остатками начинки.

Варжетхан стукнула палкой по полу.

– Что опять не так? – ахнула бабушка.

– Это ты свое здоровье и деньги бросила, все в кастрюле оставила, – сказала ей по-осетински подруга.

– Ой, ну не буду я, как ты, вымазывать пальцем. А здоровья у меня и так нет, и денег не будет. Ты же умная женщина,

что за предрассудки? – ответила ей бабушка по-русски.

Они всегда так общались: одна говорила по-осетински, другая отвечала по-русски, и отлично друг друга понимали.

А я тогда поверила, что на дне кастрюли, в остатках начинки, хранятся здоровье и благополучие. И до сих пор, как Варжетхан, вымазываю кастрюлю указательным пальцем до последней крошки.

Что такое голод, знали и бабушка, и Варжетхан, и мама. Нельзя было не доесть и оставить кусок на тарелке. Не дай бог выбросить.

– Он за тобой ночью будет гоняться, – пугала меня бабушка. От нее я запомнила присказку: «Хочешь кушать – ложись спать». И совет: если голодная – попей водички. Бабушкино поколение так выживало, мое так худеет.

Мне Варжетхан доверяла сделать последний штрих – кусочком сливочного масла смазать пирог и обязательно по краям, а оставшийся кусочек утопить в серединке.

В общем, слух о том, что к бабушке приехала внучка из концлагеря, достиг самых дальних домов деревни. И в каждом доме, куда я забегала к подружкам, меня встречала цокающая языком бабушка или мама.

– Ой, какая дэвочка, – качали головой женщины, – замуж не выйдешь, муж о твои кости колоца будет, и ему будет нэприятно. А будешь толстой, будет приятно.

Меня сажали за стол и начинали кормить. Пирогами. Что-

бы в каком-то доме не было пирога – такого не случилось. И обязательно с картошкой или с мясом. И только однажды мне достался пирог с ботвой. Мама моей подружки чуть не плакала, что накормила «дэвочку» «травой». А когда я попросила еще один кусок, она разрыдалась уже в голос – то ли от собственного позора, то ли от жалости ко мне.

Румяные пироги с аккуратной дырочкой посередине, из которой выглядывала начинка, нежно-золотистые... Это вкус моего детства.

Бабушка, бросив печь пироги, вернулась к пышкам. Пышки она пекла вместо хлеба, в большой сковороде, почти доверху залитой шкворчащим маслом. Две пышки – и неделю можно не есть. Сверху она их посыпала «песком» – «сахар» никто не говорил, только «песок». Покупался он мешками, чтобы хватило и на варенье, и на компоты.

Почему-то бабушка считала, что пышки нужно давать на завтрак и на ночь.

Через два месяца приехала мама. Мы с бабушкой встречали ее на вокзале. Бабушка была в нарядном платье, застегнутом от волнения не на ту пуговицу.

Волнение было понятно – мама приезжала с инспекцией: посмотреть на меня и сказать все, что она думает. Бабушка была настроена решительно и даже воинственно.

– Ладно, лучшая защита – это нападение, – сказала она, когда мы шли на вокзал.

Я тоже готовилась к встрече с мамой. Бабушка даже разрешила закипятить бигуди – такие палочки, которые нужно было бросать в ковшик и потом накручивать. Я очень хотела быть с кудрями и всю ночь лежала без сна, представляя, какая я буду красавица и как удивится мама.

Поезд все никак не подходил, и я убежала в магазин за халвой. Там была очередь, и момент, когда мама выходила из вагона, я пропустила.

Бабушка маму не узнала. Она была в новом модном сарафане, сильно утянутом в области груди. Так утянутом, что грудь наполовину вываливалась. К тому же сарафан был короткий – по колено.

– Кто это? – спросила воинственно бабушка, тыча пальцем в маму.

– Это я, – ответила мама.

– Нет, это не моя дочь. Это... какая-то... падшая женщина! – нашла наконец подходящие слова бабушка.

На самом деле у нее на языке вертелись совсем другие слова, но она хотела сказать самые обидные и самые точные, поэтому выразилась литературно.

– Я с тобой голой не пойду! – заявила бабушка и уперла руки в боки.

– А у тебя пуговицы не так застегнуты, – ответила мама. – И вообще, где Маша?

– Перед ребенком бы постыдилась! Она в магазин ушла за халвой. Сейчас прибежит. Давай открывай чемодан и пе-

реодевайся, пока никто не видит.

– Мама, я взрослая женщина! Не буду я переодеваться! Пойдем за Машкой.

Но тут бабушка увидела знакомую, замахала ей рукой и пошла поговорить. В этот момент подошла я, слизывая с пальцев халву.

– Привет, – сказала я.

Видимо, не очень внятно, потому что рот был набит.

Мама повернулась, посмотрела на меня и отвернулась. В общем, я пережила главный детский кошмар.

– Привет! – сказала я маминой спине, проглотив кусок.

Мама опять повернулась и раздраженно бросила:

– Здравствуй, девочка.

Она отвернулась, не узнав меня, а я так и продолжала стоять с открытым ртом.

– Мама, привет, – глубоко вздохнув, сказала я.

Мама повернулась и посмотрела на меня с нескрываемым ужасом.

Толстая девочка с не расчесанными после жесткой завивки кудрями называла ее мамой.

– Машенька? – все еще надеясь, что девочка ошиблась, переспросила мама.

– Да, – кивнула я.

– Нет. – Мама покачала головой, как будто пытаюсь избавиться от морока.

Тут уже подскочила бабушка и гордо показала на меня:

– Вот!

– Кто это? – спросила мама, тоже показывая на меня рукой.

– Ольга, прекрати поясничать, – обиделась бабушка.

– Ты в кого ее превратила? – сдвинула брови мама.

Они разговаривали, показывая на меня, как будто я была неживым предметом, например клумбой, которая была разбита перед зданием вокзала.

– В нормального ребенка я ее превратила! – закричала бабушка.

– Это нормальный ребенок? – Мама опять ткнула в меня пальцем.

– Да! – решительно ответила бабушка и тоже ткнула пальцем в область моего живота, на котором туго был натянут сарафан.

– Господи, какой кошмар... – Мама сказала это так, что я почувствовала себя самой страшной девочкой в мире и заплакала от горя.

– На себя посмотри, – огрызнулась бабушка. – Пойдем, Манечка, не слушай эту... падшую женщину... А ты иди подалее, не позорь нас, – сказала она маме.

Так мы и дошли до дома: бабушка с гордо вскинутой головой и горящим взглядом, я – ревущая белугой, и в двух метрах за нами мама, с чемоданом, сигаретой в зубах, матерящаяся, как последний грузчик.

Дело в том, что бабушка отказалась садиться с мамой в

машину, и нам пришлось идти пешком через всю деревню. Видимо, бабушка решила, что пройти по улице будет меньшим позором, чем сесть с мамой на одно сиденье.

Знакомые, которые попадались через каждые пять шагов – да вся деревня знала бабушку, меня и маму, – кричали кто со двора, кто от водопроводной колонки:

– Мария! – Меня назвали в честь бабушки. – Твоя дочь, что ли, приехала?

– Нет! – кричала, не поворачивая головы бабушка. – Это ее знакомая из Москвы, погостить.

– Здравствуй, Ольга! – кричали соседи моей маме. – Ты юбку забыла надеть?! И кофту тоже?! – Соседки заходились хохотом. – Ты в зеркало на себя смотрела, когда из дома выходила?

Мы шли дальше.

В зеркало перед выходом из дома надо смотреть. Это я точно знаю. Мой сын повторяет мою судьбу. Бедный ребенок. Он даже не представляет, насколько я его понимаю. А история была такая.

Сын оканчивал начальную школу. Детям собрались устроить настоящий выпускной. Наш родительский комитет решил гулять на теплоходе.

За неделю до этого мероприятия я уже плавала на теплоходе. Нарядилась я тогда, как на яхту – каблуки, дизайнерский комбинезон, легкая куртка. Муж смотрел на меня с жа-

лостью, но молчал.

– Может, ты все-таки свитерок возьмешь? – сказал наконец он. – Обещали шквалистый ветер и дождь.

– Тогда я уйду с палубы.

Светило солнце, и я звонко цокола каблуками по пристани. Там, на теплоходике, уже собрались гости – в спортивных штанах, кроссовках, джинсах и теплых куртках.

– Почему ты меня не предупредил? – зашипела я на мужа. – Я опять буду как дура.

На палубе красиво я просидела недолго – как и предсказывал муж, начался шквалистый ветер.

От выпитого коньяка и недостатка еды меня штормило почти так же, как и теплоходик. Я куталась в чужой платок и пыталась согреться в чужом свитере. Но даже не это было самое страшное. Дизайнерский комбинезон не расстегивался на талии, а снимался целиком весь – красиво падал на пол одним движением. На суше, в комнате, это выглядело очень эффектно. В грязном туалете теплоходика с незакрывающейся дверью и очередью перед ней – не очень. Хорошо, что меня никто не видел. Я стояла голая, держа комбинезон руками, чтобы он не свалился в лужу мочи, плескавшейся на полу. Женщины за дверью громко спрашивали, что я там делаю. Они же не могли предположить, что мне нужно сначала раздеться донага, а потом одеться. Мои свеженакрученные кудри на ветру разметались, встали дыбом, лезли в рот, и я все время отплевывалась, как кошка, наевшаяся собствен-

ной шерсти.

На стоянке – живописной лужайке, – пока пьяные мужчины играли в футбол, а пьяные женщины «болели», я меси-ла свежую травку и сбивала каблуками чернозем. Злая была к тому времени как собака, потому что коньяк кончился, а я протрезвела от холода. Комбинезон все-таки свалился на пол в туалете, и я пахла грязной сантехникой.

Когда мы приплыли на пристань, я вывалилась на берег, мутная и дурная от голода, коньяка и качки. Еле добралась до дома, где первым делом съела бутерброд с колбасой, которым меня благополучно и вырвало.

И вот мне говорят, что дети тоже плывут на теплоходе. Я хмыкнула и, как умная, опытная женщина, нацепила джинсы поплоче, свитер и теплую куртку. Сына я одела соответствующе – в «дачную» униформу. До этого я успела съездить на рынок, в магазин, притащить картошки, сварить суп и поговорить по телефону – мама из родительского комитета просила подъехать к школе и забрать еще парочку детей, которых не могли отвезти к пристани родители.

Я приехала к школе, утрамбовала детей в машину, довезла до пристани и отошла в сторонку. Наш теплоход сверкал белизной и снаружи, и внутри. Детей ждали столы со скрипящими скатертями и отутюженные официанты. Девочки из нашего класса все как одна были в вечерних платьях, на каблуках, со струящимися по плечам локонами, мальчишки – в костюмах. Родительницы сверкали шелковыми декольте и

педикюром в открытых дизайнерских туфлях.

Я отошла за здание кассы позвонить и заодно пережить несоответствие дресс-коду. Из-за здания вдруг выглянули две девочки и стали шушукаться, показывая на меня пальцем. Потом они скрылись и вернулись с третьей. Опять пошушукались и привели уже целую компанию. Девочки переглядывались, кивали на меня и отворачивались, когда я смотрела в их сторону. На секунду, нет, на долю секунды, я подумала, что вот она – слава. Меня узнали! Я стала знаменитостью, и на меня показывают пальцем! Ведь я писательница и мои фотографии есть на обложках книг. Через секунду я вернула себе разум и схватила за пудреницу. Лицо было на месте. Я пощупала ширинку, потому что у меня сын и я привыкла проверять ширинку на его брюках. И наконец, посмотрела на свои ноги. Я стояла в разных туфлях – синей на правой ноге и коричневой на левой. Самое удивительное, что если бы не девочки, то я бы этого даже не заметила.

– Как дела? – позвонила мне приятельница.

– Приперлась к сыну на выпускной в разных туфлях, – ответила я.

– Вот поэтому я никогда не покупаю туфли с одинаковыми каблуками, чтобы чувствовать разницу, – заявила подруга.

– Мама, я в разных туфлях! – пожаловалась я матери.

– Ну и что? – не удивилась она. – Я на работу в тапочках уходила, а недавно вышла из поликлиники в бахилах и полдня так проходила.

Надо сказать, Вася повел себя как и его отец. Он не шаркался от меня в сторону и не делал вид, что со мной незнаком. Он смотрел так нежно, так жалостливо, что я чуть не плакала. Зато я сразу забыла про свой свитер и драные джинсы. По сравнению с разными туфлями это была ерунда.

Дети повеселились и приплыли назад, где на причале их ждали родители.

– Ну как? – спросила мама одну девочку.

– Здорово! Представляешь, там одна женщина была в разных туфлях! – сказала девочка.

То есть по сравнению с аниматорами, играми и танцами я осталась в памяти ребенка самым ярким впечатлением.

Выпускной действительно удался. Я стояла на стреме и караулила учительницу, которая курила, прячась от детей. Как только они подходили к двери, ведущей на палубу, я их отгоняла гневными выкриками «Кыш отсюда!» и изображала пинок сначала коричневой, а потом синей туфлей. Затем мальчик Леша, с первого класса влюбленный в девочку Лизу, изображал на корме корабля сцену из «Титаника», и все мамы дружно начали всхлипывать и завидовать Лизе. И почему-то никто в тот момент не закричал: «Слезьте немедленно!»

На самом деле все было и вправду замечательно. Уже дома я сняла наконец разные туфли и пошла мыть руки. И только там, в ванной, увидела, что у меня накрашен только один глаз.

На самом деле круче меня оказалась только шестилетняя девочка Маша – дочка моей подруги. Она поступила в первый класс и поехала отмечать поступление на пикник.

Пикник не заладился сразу же. Детей не могли перевести через дорогу, потому что Маша отказывалась становиться в пару и давать руку мальчику. А когда ее ручонку все-таки впихнули в потную ладонь будущего одноклассника, Маша его укусила. Первую учительницу она облила соком и посадила на нее муравьев, а еще одну девочку, которая что-то Машуне не то сказала, отмутузила, как Валуев грушу.

– Маму в понедельник к директору! – закричала будущая первая учительница.

Так что Машуня установила своеобразный рекорд по вызову родителей в школу – еще до начала учебного года.

Вот я и думаю: что произойдет, когда мой сын будет праздновать следующий выпускной?

Курам на смех

Так вот, про мою встречу с мамой. Когда мы пришли домой и бабушка с облегчением закрыла калитку, мама сразу же пошла в маленькую пристройку, считавшуюся зимней кухней, где у бабушки в огромной бутылки с натянутой резиновой перчаткой на горлышке бродило домашнее вино. На полочке в ковшике всегда стояла очередная «проба». Мама схватила ковшик и жадными глотками выпила половину.

– Кислятина, – прокомментировала она, размышляя, допивать ковшик или нет. После секундного замешательства допила и, уже улыбаясь, вышла во двор.

Я сидела на лавочке, болтала ногами и уписывала огромный бутерброд – здоровенную горбушку хлеба-кирпича, намазанную толстым слоем масла и сверху посыпанную песком, то есть сахаром.

– Что ты делаешь? – подскочила ко мне мама.

От неожиданности я поперхнулась и закашлялась.

Казалось бы: ну поперхнулась, ну закашлялась. Только не в моем случае. Я могу поперхнуться глотком воды и, если кто-нибудь вовремя не хлопнет мне по спине, умру от удушья. Попадшая не в то горло пища грозит мне верной смертью. Видимо, это у меня началось с того момента, когда мама меня напугала. В общем, я продолжала заходиться кашлем и уже начала синеть, а мама, вместо того чтобы спасти дочь,

вырывала из моих рук кусок хлеба. С куском я бы не рассталась ни за что на свете – за такой бутерброд можно было и жизнь отдать, так что я хоть и лежала на земле, издавая хрипы, но бутерброд держала крепко. На нашу возню из дома выскочила бабушка, быстро оценила обстановку, долбанула меня по спине и разомкнула нашу с мамой хватку за бутерброд.

– Пять минут назад приехала и уже тут устроила! – разоралась она на маму. – Ты, кстати, надолго?

– Ей же нельзя столько масла! – заорала в ответ мама. – Куда ты ей такой кусок дала? У нее уже лицо как блин! Когда надо, тогда и уеду!

– У меня не блин! – заорала я в свою очередь.

– Иди, Манечка, покушай во дворе, не слушай свою мать-фашистку, – ласково сказала мне бабушка.

– Немедленно отдай мне хлеб, – строго потребовала мама.

В Москве бы я, конечно, послушалась маму, но здесь, на бабушкиной территории, я была свободна, поэтому со всех ног кинулась за калитку.

Я побежала к своей подружке-соседке Фатимке и на всем скаку врзалась в ее маму, тетю Розу.

– За тобой немцы гнались? – спросила тетя Роза.

Тут я должна прояснить ситуацию, почему она сказала именно «немцы гнались». Бабушки в нашем селе были «военными». Моя прошла всю войну. Мама тети Розы, Фатим-

кина бабушка, работала в госпитале и была убита, когда в санитарный поезд попала бомба. Даже Варжетхан лично убила немца топором для мяса, чем очень гордилась. Наши мамы были послевоенным поколением, так что воспоминания о войне были живы, и мы, дети, яростно ненавидели немцев и готовили бабушкам на Девятое мая номер самодеятельности, подвывая: «Мне кажется порою, что солдаты... превратились в белых журавлей». Бабушки плакали, и мы тоже.

– За тобой немцы гнались? – спросила тетя Роза.

– Нет, мать-фашистка, – ответила я.

– Иди пирог ешь, – пригласила тетя Роза. – И куру я сварила.

На кухне я быстро поменялась с Фатимкой бутербродом на курицу.

Это еще одно блюдо моего детства, за которое я готова отдать жизнь: курица, сваренная целиком в соленном бульоне. Ничего вкуснее в мире нет. А если взять кусок пирога, кусок курицы, посыпать солью огурчик и положить сверху перо зеленого лука. А-а-а-а! Слюни текут.

Я поужинала, рассказала Фатимке, как крутила на бигуди волосы, она мне обзавидовалась, и только к вечеру я вернулась домой.

Вечер прошел мирно, поскольку я почти сразу легла спать.

Утром мама встала, когда я уже сидела на кухне и ела привычный завтрак – яичница из трех яиц, пышки и кружка ка-

као.

Мама застыла на пороге кухни и смотрела на меня, выпучив глаза.

– Ну вы, б..., даете, – проговорила она наконец.

– Уйди, по-хорошему прошу, – сказала ей бабушка, – а то я за себя не отвечаю. Ты же знаешь, что я контуженая. Дай ребенку поесть нормально, а то...

Мама звонко хлопнула дверью и пошла в сторону кухоньки, где стояла бутылка с домашним вином.

После завтрака я побежала играть с Фатимкой и домой вернулась к обеду.

Дома был кошмар. Бабушка дико хохотала, хватаясь за живот, а мама лежала на диване, свесив голову над тазиком, в котором я обычно мыла ноги.

Мама ругалась матом, когда могла поднять голову над тазиком, и свешивалась обратно. Бабушка уже даже не смеялась, а охала и стонала.

Оказалось, что мама пошла на кухню, где привычно хлебнула из ковшика «пробу» вина. Только в ковшике на полочке оказалось не вино, а разведенная марганцовка для кур и цыплят. Мама уже вылебала половину ковшика, когда поняла, что пьет не вино. Теперь она умирала над тазиком, а бабушка хохотала.

– Ты это специально? Да? – спрашивала мама, постанывая.

– Ой, курам на смех, – рыдала от смеха бабушка. – А нече-

го вино с утра хлестать.

Во дворе собирались бабушкины подруги – тетя Роза и Варжетхан. Они рассматривали висевшее на веревке постиранное мамино платье – то, которое «голое», – и ее же кружевные трусы.

– И что, там у них все так ходят? – спрашивала тетя Роза у Варжетхан.

– Откуда я знаю? – пожимала плечами Варжетхан. – Ты же видела, до чего она дочь довела. – Каким-то образом вызывающая длина мамино платья была напрямую связана у них с моей худобой.

– А зачем она марганцовку выпила? – не унималась тетя Роза.

– Может, они в Москве так худеют, чтобы в таких платьях ходить, – авторитетно предположила Варжетхан.

Тетя Роза покачала головой.

– А мама сказала, что у меня лицо как блин, – пожаловалась я им. – Только я не знаю, хорошо это или плохо.

Соседки задумались.

– А что такое – «какблин»? – спросила тетя Роза.

– Это как лепешка, только яйца надо добавлять и молоко, – блеснула кулинарными познаниями Варжетхан.

– Молоко пить надо, зачем его в тесто? – удивилась тетя Роза. – Если как лепешка, то это хорошо, – успокоила она меня. – Значит, красивая.

– А маме не понравилось, – пробубнила я.

– Конечно, кому понравится такая лепешка? – охотно отозвалась тетя Роза.

После марганцовки мама еще целый день ходила тихая, в старом бабушкином халате и приветливо мне улыбалась.

– Бабушка, мама заболела? – спросила я испуганно. – Почему она улыбается?

Бабушка тут же начинала хохотать, от восторга хлопая себя по ляжкам.

Кстати, такая зимняя кухня или какой-нибудь закуток, где бродило вино, самогон или пиво, были в каждом доме. Нам, детям, по праздникам разрешали выпить пива – сладкого и вкусного. Мужчины пили вино, а моя бабушка и Варжетхан всегда пили араку.

Мама немного отошла от марганцовки и зашла к тете Розе на кофе.

– Оля! – вышла тетя Роза из кухни, слегка пошатываясь. – Тебя мне Бог послал.

– В каком смысле? – строго поинтересовалась мама, потому что ее Бог никогда на хорошее дело не посылал.

– Слушай, ты еще сколько здесь будешь? – спросила тетя Роза и икнула.

– Неделю, а что?

– Неделю! Целую неделю! Пойдем! – обрадовалась тетя Роза и потащила маму за руку на кухню.

– Вот! Я Ольгу привела! – объявила она своему свекру,

Фатимкиному дедушке деду Марату, который сидел на низкой табуретке и, не мигая, смотрел на огромную бутылку с мутной жидкостью. — Понимаешь, — начала она объяснять маме, — он самогон гонит, а меня заставляет пробовать. А я больше не могу все время пьяная ходить. Из рук все валится и спать хочу. А у меня стирка, огород и вообще. Муж приходит, а я сонная. Он недоволен. Давай ты будешь вместо меня? — Тетя Роза, не дождавшись ответа, выскользнула из кухни и поплотнее прикрыла дверь.

— Только не вино! — предупредила мама. — У меня послекусие осталось.

— На, — сказал дед Марат, — пей.

— Так много? — удивилась мама, разглядывая полстакана самогона.

— Пей, — повторил дед Марат.

Мама выпила.

— Ой... сколько там градусов-то? — Она еле дышала.

— Семьдесят, восемьдесят, туда-сюда, — ответил дед. — Ну, как?

— Арака как арака, — пожала плечами мама, чем нанесла деду Марату самое большое оскорбление из всех оскорблений. Потому что дед Марат был непревзойденным самогонщиком и слава о его араке доходила до других деревень.

— На, пей еще, — налил он из другой бутылки.

Мама выпила.

— Вырви глаз, — прокомментировала она.

– Сахару добавить? – спросил сам себя дед Марат.

– Я пойду? – Мама едва держалась на ногах.

– Вечером придешь.

Мама доковыляла до нашего дома и свалилась на кровать.

– Ты где была-то? – спросила бабушка.

– Кофе у Розы пила, – ответила мама.

– Да от тебя кофеем на весь дом несет, алкоголичка.

Мама проспала беспробудным сном три часа и проснулась бодрая и веселая. Голова не болела.

– Пойду в ваше сельпо за хлебом, что ли, схожу, – объявила она бабушке и вышла на улицу.

– Ты одеться забыла! – крикнула ей вслед бабушка.

Мама вышла за ворота в шортах.

До сельпо она шла с гордо поднятой головой, а за ней бежали дети. Как только мама поворачивалась, все прятались по кустам. Из-за ворот выглядывали соседки и обсуждали мамины шорты. Мама купила буханку горячего хлеба и шла назад, отрывая куски и жуя на ходу. Народ уже вышел на улицу и провожал маму взглядами.

– Ольга! – крикнула ей тетя Роза, когда мама проходила мимо их дома. – Тебя дед Марат зовет.

– Иду! – обрадовалась мама.

Домой она вернулась поздно и не сама – тетя Роза ее еле доволокла.

– Все, пить я больше не буду. Никогда. Ни капли, – клялась по дороге мама.

– Алкоголичка! – ругалась бабушка. – Ребенка бы постыдилась!

– Это я виновата, – причитала тетя Роза, – что теперь делать? А давай мы ее к моему брату отправим? Там коза у них, молоко, воздух. Никого нет вокруг. Три дома на горе.

– Не знаю, не знаю.

– Дед Марат от нее так просто не отстанет, – горевала тетя Роза. – Он говорит, что только с Ольгой и поговорить можно. Он пока не наговорится, не выпустит ее.

В тот же вечер маму одели в платье тети Розы, дали с собой бабушкин халат, тапочки и косынку и на редакционном «уазике», которым управлял тоже не очень трезвый шофер Эдик, отправили «лечиться» к брату тети Розы в богом забытый аул.

– Отвез, сдал на руки, – отчитался перед бабушкой Эдик, когда вернулся.

– Ладно, через три дня поедешь забереешь.

Через три дня поутру Эдик, совершенно трезвый, поехал забирать мою маму. Вернулся он быстро – глаза выпученные, бледный.

– Ты чего? – удивилась бабушка.

– Ольга пропала, – сказал он.

– Как пропала? – ахнула бабушка.

– Так. Я... тогда... это... не туда ее отвез.

– Что ты такое говоришь?

Выяснилось, что в тот вечер пьяный Эдик отвез пьяную

маму в какое-то село и сдал на руки мужчине, но не брату тети Розы. А как называлось село и кто был тот мужчина, он не помнил. Сейчас, когда он приехал к брату тети Розы, выяснилось, что тот слыхом не слыхивал ни о какой Ольге из Москвы. И где искать маму, тоже было непонятно, потому что Эдик мог свернуть куда угодно.

Тетя Роза плакала на кухне. Дед Марат пил самогон из той бутылки, которую как раз дегустировала моя мама в последний день.

– Так, спокойно, надо подумать. Ольга чокнутая, конечно, но не безмозглая. Если что – она бы домой добралась, – говорила бабушка, сама себе не веря.

– Ей даже переодеться не во что, – плакала тетя Роза. – А вдруг ее украли?

– Ольгу? – удивилась бабушка. – Кто Ольгу в здравом рассудке украдет?

– Значит, ненормальный какой-нибудь, – всхлипнула тетя Роза.

– Ты же помнишь, как ее крали? И чем это закончилось? – вздохнула бабушка.

Маму действительно крали в невесты дважды. В первый раз она подняла в машине такой крик, так ругалась матом и так засандалила хуком справа жениху, что тот лично вернул ее домой, сказав, что это не девушка, а наказание господне.

А второй раз она чуть не отстрелила жениху гениталии из ружья, висевшего на стене в комнате.

Так что в нашем селе и в окрестностях, куда, конечно же, дошел слух о строптивой невесте, который передавался как народное сказание из уст в уста от старшего поколения младшему, больше ни у кого не было никакого желания брать мою маму в жены. Более того, мамино имя стало нарицательным. Женщины говорили своим дочерям, если те плохо себя вели: «А то будешь как Ольга». Девочки пугались и все делали по хозяйству. А потом мама уехала в Москву, откуда приезжала или голая, или в шортах, или с завивкой.

Тетя Роза, которая дружила с мамой и даже немного завидовала ее смелости и подвигам, задумалась.

– Да, ее не украли. Тогда где она? Как ее искать? Может, дать объявление в газету?

– Пока газета в аул дойдет, месяц пройдет. Кто их там читает? Разве что печку растопят, – хмыкнула бабушка, для которой это был большой вопрос – как увеличить число читателей и подписчиков, а значит, обеспечить образование и просвещение народных масс за счет отдаленных сел и аулов.

– Тогда надо, чтобы Эдик вспомнил, куда он ее отвез, – сказала тетя Роза.

– И как?

– Пусть едет по дороге к моему брату и вспоминает на местности. Я в кино видела, так с преступниками делают на месте преступления.

– Хорошая идея, – согласилась бабушка.

Женщины запихнули Эдика за руль, сами сели сзади и по-

ехали.

– Вспоминай, куда ты свернул? На эту дорогу? – показывала тетя Роза на почти невидимую тропинку.

– Нет, здесь я бы точно не проехал, – отвечал Эдик и ехал дальше.

Они еще раз доехали до брата тети Розы, вместе с ним съездили еще в два поселения, о которых только брат тети Розы и знал, но маму там не нашли.

Вернулись они к вечеру.

– Новостей не было? – спросила тетя Роза у мужа.

Новостей от мамы не было.

На следующий день Эдик колесил по горам уже один, но вернулся ни с чем, точнее, ни с кем.

– Надо его напоить, – предложила тетя Роза.

– В смысле? – не поняла бабушка.

– Ну, тогда же он был пьяный. Надо его опять напоить, и пусть пьяный едет, – заявила тетя Роза. Она чувствовала свою вину и предлагала планы по розыску.

– Не ожидала от тебя такого, – удивилась бабушка, но дала добро.

Дед Марат налил Эдику араки, проследил, чтобы тот ее выпил, и сдал шофера на руки женщинам.

– Ты не поедешь, – сказал муж тети Розы дядя Аслан. – Я не разрешаю. Не хватало мне еще тебя потерять.

– Что ты такое говоришь? – воскликнула тетя Роза. – А вдруг с Ольгой что-то случилось?

– Это с теми, у кого она находится, что-то случилось, – отрезал дядя Аслан.

Тетя Роза хотела ответить мужу, но сдержалась, и правильно сделала.

– Я сам поеду, – заявил дядя Аслан.

Сразу скажу, что Эдик с дядей Асланом вернулись через двое суток, когда бабушка уже обзвонила все больницы, включая городские, все отделения милиции, а тетя Роза плакала не переставая. Маму они нашли и вернули, так что все закончилось благополучно.

Эдик действительно в тот вечер свернул на другую дорогу. Как он там проехал, сам не понял. Собственно, дорогу эту заметил дядя Аслан – кусты были странно примяты.

– Это я колесо менял, – объяснил Эдик, разглядывая заросли.

По следам от шин они доехали до небольшой деревеньки, даже не деревеньки, а нескольких покосившихся домов. Из одного вышла женщина в длинном платье и платке на голове и выплеснула воду из таза.

– Здравствуйте! – крикнул по-осетински Эдик. – Мы тут одну женщину ищем!

Та не ответила и зашла в дом.

– Слушай, мне кажется, я с ума сошел, – сказал дядя Аслан. – На этой женщине платье моей Розы и платок тоже ее.

– Ну и что? – не удивился Эдик.

– Пойдем, – решил дядя Аслан.

Они постучались, дверь открыл пожилой мужчина.

– Здравствуйте, уважаемый, – поздоровался дядя Аслан, – мы из соседнего села. Там женщина пропала. Ищем ее.

Мужчина жестом пригласил войти.

Незнакомка в платье тети Розы суежилась на маленькой кухоньке.

– Ольга, это за тобой, – сказал хозяин.

– Нашли все-таки, – вышла из кухни мама.

– Ольга? – Дядя Аслан, никогда не видевший маму в длинном платье и платке на голове, не верил своим глазам.

– Ну я, – ответила мама. – Привет.

– Ты здорова? – спросил очумевший дядя Аслан.

– Да, а что? – удивилась мама. – Есть будете?

Дядя Аслан кивнул и сел за стол.

Мама ставила тарелки и стаканы.

– Ты рот-то прикрой, – велела она дяде Аслану, который даже в кошмарном сне не мог представить себе маму в роли нормальной кавказской женщины.

Они поели, поблагодарили хозяина и поехали домой. Собственно, все. Только всю дорогу назад дядя Аслан поглядывал на маму с некоторым ужасом. Мамины вечно голые колени и завивка не производили на него такого впечатления, как ее покрытая голова и бесформенное платье в пол. Он вдруг увидел в ней женщину, такую же, как его жена Роза, с такими же проблемами, горестями, радостями. Женщину,

которая воспитывает дочь без мужа, все заработанные деньги присылает матери и работает как мужчина – тяжело и много.

– Что у тебя случилось-то? – спросил дядя Аслан, переходя на русский.

Мама рассказала. Спокойно, содержательно. Больше никому не рассказывала. Дядя Аслан пересказал историю маминого исчезновения тете Розе, та – бабушке, бабушка – Варжетхан, а потом об этом судачила вся деревня.

В тот раз мама приехала не просто так. Не только для того, чтобы повидать меня и бабушку. Она вернулась на родину, в родное село, как в последнее место, куда могла приехать. Мама болела, и никто из врачей не мог поставить диагноз. Она перестала есть – организм отказывался принимать пищу, слабела, худела, все время проваливалась в сон. На работе тоже не ладилось – у нее, легкой, рискованной, ничего не выходило, не получалось. Мама не понимала, что с ней происходит. К тому же начала болеть спина – следствие травмы. От последнего укравшего ее жениха, который чудом остался с гениталиями, она удирала на мотоцикле и врезалась в дерево. Тогда, на стрессе, подумала, что это сильный ушиб, и продолжала ходить. А потом, спустя много лет, оказалось, что смещены диски. Боль была невыносимая.

Мама приехала, вела себя как обычно, дерзила, пила самогон у деда Марата и ждала чуда.

То, что Эдик завез ее в другое село, она поняла сразу –

не такая уж и пьяная была, больше вид делала. И когда Эдик сдал ее на руки незнакомому пожилому мужчине, тот факт, что он, не задав ни единого вопроса, ее принял, мама расценила как судьбу, фатум, в который, кстати, никогда не верила.

Утром она залезла в сумку, достала платье тети Розы, повязала косынку и принялась драить дом – мыла окна, натирала полы, выбивала матрасы и подушки, стирала занавески. Пожилой мужчина смотрел на нее и ничего не говорил, мама тоже молчала. Потом она натаскала воды, напекла пирогов, сделала салат из помидоров с луком. Ели они тоже молча. Мужчина поставил на стол вино. Мама пила сладкое, легкое вино и чувствовала, как по телу растекается тепло.

– Тебя как зовут? – спросил мужчина по-осетински.

– Ольга, – ответила мама.

– Ты чья дочь? – спросил мужчина.

– Марии, – ответила мама. Она назвала село, откуда родом, и фамилию бабушки.

Мужчина кивнул и улыбнулся.

– Я о тебе слышал, – сказал он.

Мама поморщилась и отмахнулась.

– Чего ты хочешь? – спросил мужчина.

– Не знаю, – ответила мама. – А вас как зовут?

Мужчина не ответил И велел:

– Ложись иди. Буду тебе спину лечить.

Странно, но мама послушалась беспрекословно. Она лег-

ла на кровать, задрала без смущения платье.

Мужчина, имени которого она так и не узнала, ставил ей стаканы. Как ставят банки. Только обычные граненые стаканы. А еще тянул ей руки, ноги, голову. Маме было больно, но она не пикнула – от страха, что он оторвет ей или ногу, или голову.

– Завтра суп сварю, – сказала мама.

– Нет, – ответил мужчина, – я тебе сам буду готовить.

Он варил баранину с травами, поил маму кислым молоком, кормил сыром, овощами. Бросал на сковородку помидоры, перец, баклажаны, посыпал зеленью, крупной солью, выкладывал все на лепешку. Зачерстевшие лепешки он разогревал в печке, вбивал яйцо. Или нарезал сыр, помидор и запекал. Заставлял маму съесть, хотя заставлять не было необходимости – она уписывала все за обе щеки. Через три дня она нагнулась, чтобы помыть полы, и не почувствовала боли. Желудок перестал болеть почти сразу. Сонливость как рукой сняло – мама вставала в шесть утра свежая, как огурчик.

– Я хочу здесь остаться. На всю жизнь, – сказала она мужчине.

Он только засмеялся.

В тот же вечер мама рассказала ему про проблемы на работе, про то, что суетится и ничего не получается, что скучает по дочери.

– Смени работу, забери дочь, – сказал мужчина.

И мама в тот момент онемела. Все оказалось очень просто.

Она рассказывала ему о делах, которые вела как адвокат, о том, что устала быть одна.

Мужчина отвечал коротко. И все оказывалось так просто, так очевидно, как его блюда – лепешка с сыром или отварная баранина с травами.

– Меня мать стыдится, – призналась мама, – мне нужно измениться?

– Нет, если бы не ты, им не о чем было бы говорить, – ответил мужчина. – У тебя своя дорога. Ты с нее не свернешь.

– К тебе же свернула, – возразила мама.

– Значит, так было нужно.

– Почему ты живешь один?

Мужчина пожал плечами.

– У тебя есть родные, близкие? – не отставала мама.

– Кого считать родными? Все мы друг другу чужие... Когда болеем или когда нам страшно. У всех все одинаково. Чужого горя и проблем сторонимся, своих хватает. А кровные узы еще хуже, когда есть что делить. Мы все очень одиноки.

Мама кивнула, удивляясь тому, что он читает ее мысли, как будто живет у нее в голове.

Как раз перед отъездом она вела одно дело о наследстве. К ней обратилась женщина, Анастасия, которой моя мама помогла получить по наследству квартиру умершей тетки. Но

жилплощадь не принесла этой Насте ни счастья, ни радости. Настя сидела у мамы на кухне, маленькими глоточками пила коньяк и рассказывала, стараясь оправдать себя. Мама к такому давно привыкла. Каждый человек пытается оправдать свои поступки, снять с себя вину – призрачную или реальную.

«Надо позвонить. Наверняка сидит рядом с телефоном и смотрит на часы. Никаких сил нет. Она ведь даже не вспомнит, что я звонила... Ладно, позвоню».

Настя взяла трубку и набрала номер. Тетка ответила тут же, как будто сидела рядом с телефоном.

– Здравсьте, теть Шур, это Настя, – наигранно весело сказала она.

– Здравствуй. – Тетка говорила холодно.

«Опять обиделась».

– Ну, как вы? – еще более задорно спросила Настя.

– Спасибо, хорошо.

Настя наизусть знала, что стоит за этим «спасибо, хорошо». Тетка обычно звонила по утрам, но иногда специально пропускала дни. Это означало, что Настя сама должна была позвонить и справиться о здоровье. Утром Настя замоталась и посмотрела на часы, когда было уже два часа пополудни. С точки зрения тетки, это означало, что Насте на нее глубоко наплевать и что тетка могла двадцать пять раз с утра окочуриться, а племянница и в ус не дует.

Настя знала – тетка панически боится умереть в одиночестве. Боится, что ее найдут дня через три, когда из квартиры начнет пахнуть. Так случилось с ее соседкой – ту нашли к вечеру. Правда, у соседки была собака, которая целый день выла, скребла дверь, вот соседи и не выдержали. А у тетки даже собаки не было. Правда, одно время она всерьез собиралась ее завести и даже интересовалась породами. Проблема была в том, что тетке не нужен был друг и теплое существо рядом. Она терпеть не могла животных, откровенно говоря. Ей нужна была собака, которая бы не ела, не гадила, не линяла, не лаяла и была натаскана на трупный запах. Натаскивают же собак на наркотики. Такой породы не нашлось, поэтому тетка каждый день обзванивала трех человек, которые, по ее замыслу, должны были ее похоронить и могли быть заинтересованы в наследстве.

Одной из них была Настя – хоть и седьмая вода на киселе, но все же родная кровь, двоюродная племянница. Тетка, страдающая периодическими провалами в памяти, считала ее молоденькой вертихвосткой, не очень умненькой, но пробивной особой, которая «не пропадет в жизни». На самом деле Настя была сорокалетней усталой женщиной, у которой не было ничего – ни любимой работы, ни детей, ни мужа. Она жила в однокомнатной квартирке с ширмой. За ширмой жила мама с Альцгеймером. Настю она не узнавала последние года два. Эти два года у Насти слились в один бесконечный, тяжелый день. Мать кричала, когда она к ней под-

ходила. Кричала и сбрасывала ее руки со своих. Для Насти это было самым тяжелым – уговорить мать не кричать.

– Завещание сегодня заверила у нотариуса, хлеба купила и простокваши, – рассказывала тетка.

Настя почти не слушала:

– А?

– Завещание, говорю, на квартиру. Брат приезжал с женой, я им сразу и показала бумагу, чтобы они знали, – продолжала тетка.

– А почему не мне? – вырвалось у Насти.

Тетка этого не услышала.

– Они живут на одну пенсию, а пенсии сейчас... Жена у него приличная женщина. Окна мне помыла один раз. Плохо, конечно, разводами, я лучше мою, но помыла же!

Настя дослушала теткин монолог и положила трубку. «Она странная все-таки. Этому брату – семьдесят пять, не сегодня-завтра – инфаркт. Инсульт уже был. Зачем им квартира?»

Настя не успела додумать эту мысль – мать в комнате закричала. Настя кинулась, обняла ее. Мать срывала Настины руки и металась по кровати.

– Мама, мама, тихо, это я, – уговаривала ее Настя.

Теткина квартира ей была очень нужна. Не ей, а матери. Ее можно было устроить в дом престарелых. Настя уже все узнала: хорошее учреждение, медицинский уход круглосуточно, питание, лечение. Не какая-нибудь вшивая богадель-

ня. Ее заверили, что матери там будет хорошо, куда лучше, чем дома. Только нужно было передать в дар дому квартиры. Настю уверяли, что все полученные от продажи квартиры деньги пойдут на лекарства и уход. Настя не хотела отдавать мать в дом престарелых. Плохо это, неправильно, но сил у нее больше не было. Она устала. Дико устала – даже не физически, а морально. Она не понимала, как мать, родная мать может ее не узнавать и отталкивать, как чужую, злую, постороннюю. А еще Настя боялась, что однажды она просто не подойдет к матери, потому что не услышит, уснет или просто не захочет встать на ее крик. А той уже все равно, кто будет держать за руку – дочь или медсестра. Так что квартира тети Шуры Насте была не просто нужна – от этого зависела ее жизнь. В прямом смысле слова. Потому что какая там жизнь, когда за стенкой больная мать. А Настя еще хотела замуж и детей. Надо было как-то успеть.

Тетя Шура, как и мать, умирать не собиралась. Болячки были, но сердце работало исправно. Да и в роду имелись долгожители по женской линии. Настя никому не желала смерти, упаси бог. Но ее тоже можно было понять, правда ведь?

– Да, – кивнула моя мама, слушая Настин рассказ, – вас можно понять.

Это была мамина профессия – соглашаться с клиентом, который всегда прав, и быть на его стороне.

В это же время о квартире тети Шуры думала еще одна женщина – Эльвира. Ее муж – Альберт – был вторым че-

ловеком, который должен был хоронить тетю Шуру, по ее собственному замыслу. Альберт был сыном тети-Шуриной единственной, рано умершей подруги.

– Опять она звонила, – ворчала Эльвира. – Сама говорила, что ты ей как сын, вот пусть тебе, как сыну, квартиру и завещает, а то ты у нее самый хороший, а квартирка – тютю.

– Эльвира, зачем ты так говоришь? – возмущался Альберт, мужчина мягкий, бесхарактерный. От любого столкновения с реальностью у него начинала болеть голова и вступало в спину – такая вот странная особенность организма. Так что Альберт старался не сталкиваться с жизнью, переложив все на плечи активной, решительной супруги Эльвиры. Сам он предпочитал жить прошлым. Историк по профессии, безработный по жизни, он проводил время на диване с очередным историческим детективом. Ему нравилась тетя Шура, потому что она помнила, какой он был маленьким, как любил играть в солдатиков и рисовать в альбоме. Она помнила, как он получил первую шишку, в первый раз влюбился, как цеплялся за юбку матери, не отпуская ту на работу.

– А как я должна говорить? Ты ей то продукты отвезешь, то подарки, то в больницу, то операцию оплатишь, то телевизор новый, и похороны тоже ты будешь оплачивать, я тебя знаю. Что тебе за это будет? – кричала Эльвира.

Эльвиру тоже можно было понять, потому что именно она платила и за больницу, и за телевизор, и похороны оплачивать тоже предстояло именно ей. И Альберт это прекрасно

знал. Эльвира после консультации с психологом специально говорила, что именно Альберт платит за ресторан, за продукты или за свет и воду, чтобы не унижать его достоинство и сохранять иллюзию, будто в семье есть мужчина. Но Альберта это раздражало. Он начинал злиться. Эльвира не понимала почему.

– Ничего мне за это не будет! Она была подругой матери! – ответил Альберт.

– Вот именно – ничего не будет. Вот если бы она нам квартиру завещала, я бы слова дурного не сказала. И сидела бы с ней хоть круглые сутки. Каждому человеку нужен стимул. Ты бы ей намекнул, что ли. Так, аккуратно.

– Эльвира, ты сама понимаешь, что говоришь? Как намекнуть?

– А что такого? Ты о ней заботишься, а она квартиру брату завещает, который тоже скоро того, прости господи. А тебя она с пеленок любит, все по-честному.

– Эльвира, прекрати...

– О себе не думаешь, о сыне подумай. Ему что – квартира лишняя будет? Куда он жену приведет? Сюда, нам на голову? – Эльвира заплакала. Когда речь шла о единственном любимом сыне, она всегда плакала. – Она всю жизнь для себя жила, ни детей, ни мужа, никого, вот и дожила до таких лет, еще и бегают. А я – посмотри на меня – на кого я похожа? Правильно говорят – хочешь долго жить, живи для себя.

– Перестань, прошу тебя. Я поговорю с ней.

– Ой, да ладно, поговорит он. Так я тебе и поверила... – Эльвира подоткнула за пояс кухонное полотенце и пошла на кухню.

Скандалили и в третьей семье. Ирочка Ксенофонтова была социальным работником. Для тети Шуры она ходила в магазин, аптеку, сберкассу. По доброте душевной привязалась и продолжала держать с ней связь даже после того, как уволилась и полностью посвятила себя семье. Ирочка держала около уха телефонную трубку и кивала. Старший сын совал ей под нос учебник английского и шипел возмущенно:

– Ну помоги мне, а то я не успею на компьютере поиграть. Что сюда ставить? Did?

Ирочка хмурила брови, отмахивалась от него, пока наконец не закрыла рукой трубку и не прошипела: «Да!!!» Дочь уже минут пять тянула ее за брючину и канючила:

– Мам, ну мам, можно мне мультики поставить? Мам, ну мам.

– Что мне есть на ужин? – Заглянув в комнату, Ирочкин муж увидел, что жена стоит с телефоном. – Понятно, вечерний сеанс связи. Не надоело? – возмутился он и имел на это полное право.

Ирочка не возила тетю Шуру к врачам, не оплачивала операцию, не покупала телевизор. Зато каждый вечер она слушала про племянницу, маму племянницы, сына подруги, жену сына подруги. Тетя Шура забывала, что уже рассказала, а что еще нет... И Ирочка еще раз слушала, что племянни-

да обнаглела вконец, бессовестная. Мать ее – симулянтка и бездельница. Сын подруги – бездарь и неудачник. А жена сына подруги – стерва, каких поискать. И только Ирочка у Александры Аркадьевны была хорошая, умная, порядочная девочка. Святая буквально.

– Да, тетя Шура, вы совершенно правы, – поддакивала Ирочка. Она не рассчитывала на квартиру и вообще ни на что не рассчитывала, просто не могла отказать одинокой больной женщине в такой малости – поговорить по телефону.

Все это длилось не месяц, не два, а много лет. Разговоры, скандалы перетекали из пустого в порожнее. Настя звонила все реже, Альберт тоже приезжал по большим праздникам. А Ирочка подсылала к телефону сына, который говорил, что мамы дома нет, потому что Ирочке муж был важнее, чем тетя Шура.

Тетя Шура умерла в одиночестве. Ее нашли через три дня соседи – от квартиры пахло. Так уж получилось, что племянница Настя похоронила маму, которая умерла в своей квартире, а не в богадельне, в своей кровати, а не на казенной койке, в объятиях дочери, а не санитарки. Умерла быстро, оттолкнув в последний раз руки дочери. Настя впервые за много лет уехала отдыхать.

Альберт отмечал свадьбу сына за городом. Эльвира была довольна – невеста оказалась с приданым в виде квартиры, из хорошей семьи. А у Ирочки заболели все разом – муж,

сын и дочка. Она металась от одного к другому с каплями и платками и даже не обратила внимания на то, что вечером телефон молчит.

Да, тот самый брат, которому тетя Шура собиралась завещать квартиру, умер двумя днями раньше. Только тетя Шура об этом так и не узнала.

Дело было простое. Настя получила квартиру. И не знала, что с ней делать. Спрашивала у моей мамы. Мама посоветовала заранее написать завещание.

– У меня никого нет, – заплакала Настя, до которой только в тот момент это дошло.

Дядя Аслан и Эдик привезли маму домой. Первые дни она была совсем другой, как будто это была не моя мама, а совершенно другая женщина. Варила щавелевый суп, научила меня свистеть в перо лука, собирала колорадских жуков с картошки. Она ходила в старом бабушкином халате и повязывала голову платком. Даже бабушка начала нервничать.

– Что с ней происходит? – спрашивала она Варжетхан.

– Пытается стать другим человеком, – пожимала плечами та.

– И что делать?

На самом деле мама была нам нужна другой – в шортах, завивке, смелая, независимая, дерзкая.

– Подожди, что-нибудь случится, – обещала Варжетхан, улыбаясь.

Старая гадалка была права. Случилась свадьба на соседней улице, куда позвали, конечно, все село. Вика, бывшая мамина одноклассница, похоронила первого мужа, с которым прожила полгода, и сейчас выходила замуж за пожилого вдовца.

Вика, в длинной фате, стояла в углу. Гости приходили, ели, пили. Вдруг Вика начала медленно опускаться на пол в своем углу.

– Вы ее хоть кормили? – кинулась к ней мама.

Оказалось, что невеста уже два дня ничего не ела.

Мама сидела с Викой в углу и кормила ее с рук.

– Зачем тебе это надо? – спросила она.

– Так положено, – ответила грустно Вика.

– Поехали со мной, – предложила мама.

– Я не ты, – улыбнулась Вика, – ты сильная и смелая. Я всегда тебе завидовала.

– Да ладно!

– Нет, правда. Я бы так не смогла.

– Жизнь бы заставила, смогла бы.

– Ты какая-то другая стала, – вдруг сказал Вика, внимательно посмотрев на подругу.

– Съездила кое-куда на реабилитацию, – отмахнулась мама.

– Не надо. Не меняйся, – попросила Вика. – Без тебя будет скучно. Ты же для нас как с другой планеты упала. А если ты изменишься, то будешь уже не ты. И все будут скучать по

тебе прежней.

Мама кивнула, пошла домой и переоделась в вечернее платье с вырезом. После этого танцевала до упаду, пила наравне с мужчинами, смеялась, произносила тосты. Опять играла роль, которая была ей написана судьбой.

– Я же тебе говорила, что все будет хорошо, – сказала бабушке Варжетхан.

– Да, все будет хорошо... Она скоро уедет. И тогда уехала. А так неизвестно еще, что бы было... Ты ведь помнишь Ирочку-горбатую? – спросила в ответ бабушка.

– Не сравнивай, – ответила Варжетхан.

– Я всегда за Ольгу буду бояться, – проговорила бабушка.

Лестница в подвал

Об Ирочке-горбатой помнила вся деревня. И не забывала. Эту историю рассказывали шепотом или вовсе молчали. Ирочка тоже жила не по правилам, а вопреки. И кстати, была лучшей подругой моей мамы. Самой близкой.

Они дружили с самого детства, росли в одном дворе – бабушка получила первую квартиру от редакции в двухэтажном домике. Это была странная парочка – мама и Ирочка. Им было на всех наплевать. Они держались друг за друга.

Ирочка родилась удивительно красивым ребенком. Все село приходило посмотреть на такую красоту, а Варжетхан повязала ей на ручку красную нитку – от сглаза. Она была совсем другой – белокожей, тонкокостной, рыжей. От ее красоты слепило глаза.

Мать Ирочки, Зарина, обычная женщина, смотрела на дочь и не могла понять, откуда такая красота взялась, и не радовалась этому, а тихо плакала.

– Не к добру это, – говорила она.

Варжетхан, которая обычно развеивала материнские страхи, в тот раз промолчала.

Муж Зарины тоже не был рад рождению дочери. Во-первых, он ждал сына. Долго ждал – Зарина не могла забеременеть. А во-вторых, он тоже не понимал, откуда у него взялся такой ребенок – совершенно не похожий ни на мать, ни на

отца. Но и подозревать жену в измене открыто не мог. Ни у кого в селе не было таких волос, такой белой кожи. И в соседнем селе тоже. А дальше соседнего села Зарина никогда не ездила. Невысказанные, затаенные сомнения и подозрения подорвали шаткий брак, и рождение девочки, долгожданного ребенка, стало концом семейной жизни. Не официально, конечно. Никто тогда не разводился. Но все знали, что с Зариной муж больше не живет – надолго уезжал в город работать. Приезжал, привозил деньги, смотрел на малышку со смесью ужаса, гнева и немого восхищения и опять уезжал.

Кроме моей мамы, у Ирочки не было друзей, даже в детстве. Дети боялись такого вызывающего несоответствия общепринятым деревенским стандартам красоты и сторонились ее. Старшие девочки завидовали и старались заляпать грязью Ирочкино платье – самое красивое не только во дворе, но и во всем селе, а то и во всей округе. Зарина была прекрасной швеей и шила дочке удивительные платья. Из занавесок, пододеяльника и самой простой ткани выходили наряды, в которых маленькая Ирочка выходила во двор, и все обмирали. Даже куры переставали кудахтать.

Ирочка росла доброй и послушной девочкой, хоть и замкнутой. Она совершенно не понимала, почему с ней не хотят играть, но и не горевала, не умела долго плакать. Моя мама, которую ровесники во дворе тоже обходили стороной – она могла и камнем в глаз засветить в случае чего, – взяла Ирочку под свою опеку. Они действительно смешно вы-

глядели – мама, в вечно рваных мальчишеских штанах, с короткой стрижкой, разбитыми локтями, загорелая дочерна, некрасивая, насупленная, ждущая подвоха и готовая дать отпор, и нарядная, чистенькая Ирочка, с фарфоровой кожей, которую не брал ультрафиолет, всегда улыбочивая, лучистая, открытая людям и миру.

Они были как сестры – вместе ели, играли, ночевали друг у друга, вместе пошли в первый класс. Если мама была внешне и поведением исчадием ада, то Ирочка – ангелом.

Ирочке было семь лет, когда отец приехал на короткую побывку и Зарина отправила ее в подвал за банкой – огурцы соленные принести. Подвал был общий, большой, глубокий, с тяжелой дверцей и большой старой лестницей. Туда хозяйки ставили закатанные банки и прочие запасы.

Собственно, ничего удивительного в том, что Ирочка полезла в подвал, не было. Лестница была ветхая, перекладки ны разошлись и еле держали, ее давно собирались поменять. Но подходящей лестницы все никак не находилось – все-таки подвал был глубоким. Женщины, особенно те, кто был в весе, лазить в подвал боялись, поэтому за банками посылали детей – их вес лестница терпела. Мама даже прыгала на каждой ступеньке, доказывая, что ничего страшного, нормальная лестница.

Ирочка была худенькой. И почему именно под ней надломилась перекладка, никто так и не понял. Ирочка упала в подвал почти с самого верха.

Зарина про дочь вспомнила не сразу. Собиралась уже идти ругаться, что Ирочка опять завернула к подруге и заболталась. Но тут к ним зашла моя мама – позвать подружку гулять.

– А где Ирочка? – спросила она.

– Я думала, она с тобой, – удивилась тетя Зарина.

– Нет, я ее не видела.

Зарина быстро вытерла руки о фартук и побежала в подвал. Муж с места не сдвинулся.

Ирочка лежала на холодном полу и не двигалась. Не плакала, не звала на помощь. Лежала, как будто спала. Белым пятном на черном грязном бетоне.

Ее достали, довезли до больницы, потом до города. И только там Ирочка очнулась. Ее вылечили, поставили на ноги, и, казалось, все обошлось. Но не обошлось.

Врачи говорили, что Ирочку нужно еще лечить, оставить в больнице, а лучше повезти в областной центр, к специалистам, потому что задет позвоночник и это опасно. Но Ирочка уже улыбалась, просилась домой и была совсем прежней – ходила, даже бегала. И Зарина ее забрала. Точнее, решение принял папа Ирочки – велел забирать. И Зарина послушалась. Она не смогла себе простить этого до самой смерти.

У Ирочки начал расти горб. Сначала маленький, невидимый. Еще можно было что-то сделать. Варжетхан требовала, чтобы Зарина увезла дочь в область. Зарина испугалась – в области надо было где-то жить, нужны были деньги. Но

главное не это. Нужно было оставить Ирочку в больнице на полгода, а то и год. А может, и на два. Заковать ее в протезы, в гипс, вытягивать, растягивать, вправлять и выкручивать. Зарина не могла расстаться с дочерью, или испугалась, что не выдержит, или не решилась изменить свою жизнь. К тому же Ирочкин папа не очень охотно давал деньги на врачей. Да и на жизнь оставлял все меньше и меньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.